

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ РОБОТОМ

Концевая Г.М., канд. филол. наук, доцент
г. Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Концевой М.П., ст преподаватель
г. Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Современная медиареальность вступает в период радикальных трансформаций. В частности, сетевой контент все чаще создается без прямого и непосредственного участия человека [1]. Данная трансформация может и должна быть понята многоаспектно и многосторонне, в разных контекстах и на разных уровнях: как результат разработки в последние годы технологий глубокого обучения новых архитектур нейронных сетей; как ожидаемый этап развития сетевых коммуникаций (Web b
Social
Web
,
S
emantic
Web
); как итог отчуждения речи от ее носителя в процессе развития культуры (осмысление речи, изобретение письменности, печать, автогенерация текста). Последнее понимание вынуждает признать, что сейчас совершается важный (по своему значению), но малый (в исторической ретроспективе пройденного пути технической органопроекции человека вовне) шаг. Неизбежность этого шага обесценивает его обсуждение в бинарной оппозиции категорий «хорошо» или «плохо». Существенно значимым представляется эффективно и своевременно подготовиться к неизбежному, а потому,

понять его суть и смысл в более широком контексте, там, где на уровне повседневности человек обнаруживает себя в мире «умных вещей» (пишущих, говорящих, слушающих, распознающих, способных поддерживать произвольный разговор на уровне «понимания» семантики речи, предсказания эмоционального состояния и когнитивных интенций собеседника.

В результате осмысления такой ситуации чаще всего констатируется появление, наряду с человеком, нового субъекта коммуникации, наделенного искусственным интеллектом автора [7, с. 260–273], цифрового актора [8, с. 326], отличить которого по результатам речевой деятельности (письмо, говорение) от человека уже практически невозможно. Эта невозможность отражена в концепте «deepfake» [3], проявления которого вынуждают даже принимать законы, обязывающие диалоговых ботов раскрывать свой статус (запрещая им не только выдавать себя за людей, но и умалчивать об этом, намеренно вводя в заблуждение относительно своей искусственности) [1]. Данная позиция выглядит вполне логичной, а тому, что она таковой и является, находится множество практических подтверждений и применений. Именно она фундирует и множество публикаций (в том числе научных) об угрозе журналистам и всему журналистскому сообществу в целом со стороны медиароботов, что также оправдано в контексте осмысления современной медиарельности. Психолингвистические основания данной позиции во многом имеют компенсаторные механизмы персонификации (олицетворения, приписывания свойств человеческой психики внешним феноменам действительности) и переноса (бессознательного перемещения ранее пережитого в отношении одного лица на другое лицо или объект). Следует отметить, что, если виртуальный актор предупреждает человека о своей виртуальности, человек все равно очень легко одушевляет его и приписывает ему человеческие свойства. И это, вероятно, есть следствие глубоких и неустранимых биологических механизмов [4]. Психологически утрата способности к различению в партнере по диалогу человека и виртуального собеседника обусловлена тем, что психика человека является проективной. Это, в частности, обуславливает восприятие внутреннего как приходящего извне. Определенное содержание психики проецируется на внешние реалии, в том числе коммуникативные. Сам же человек склонен считать, что его собеседники таковы, какими он их себе воображает. Собственные мысли, чувства, переживания люди спонтанно и бессознательно переносят на программных речевых и коммуникативных агентов [5].

В основе механизмов персонификации, проекции и переноса лежат особенности языков номинативного строя, в котором фундаментально противопоставляются активный субъект и пассивный

объект. Вся языковая картина мира, построенная на такой метамодели, является результатом этого противопоставления. Лингвистически это выражается в метафоричности языка как его универсалии. Будучи важнейшим эвристичным инструментом познания (в том числе научного), метафора, особенно в ситуации ее некритичного использования, может вводить в заблуждение. В подобной ловушке номинативной метафоричности рискует оказаться и научный дискурс о роботизированной журналистике.

Так, для земледельца очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли. Это верно для системы отсчета, фиксированным центром которой является Земля. Более того, навряд ли земледелец достигнет успеха в своем деле, приняв и попытавшись применить на практике тезис, что Земля вращается вокруг Солнца. Однако для практической космонавтики единственно приемлем именно последний тезис, истинный в системе отсчета, где неподвижным центром является Солнце. Так и для научной рефлексии позиция признания медиаробота новым субъектом социальной реальности не может быть признана достаточной или единственной. Рефлексия над номинативной метафоричностью открывает возможность осознать, что внутри этой языковой метамодели совершается логическая категориальная ошибка – семантическая ошибка, при которой объект рассмотрения переносится из одной категории в другую. В данном случае происходит перенос медиаробота из категории инструмента в категорию субъекта (автора, личности, индивида, идентичности), в результате чего ему приписываются характеристики, которыми он принципиально не обладает и не может обладать. После этого может быть использована самая искусная аргументация для подтверждения или отрицания у него данных характеристик, что, впрочем, уже не имеет значения, ведь еще до этой аргументации медиаробот отнесен к той же категории, что и человек. А будучи отнесенным к одной категории с человеком, он становится элементом совсем иной системы и, следовательно, получает новые свойства. Так, число 1 (единица) в системе натуральных чисел является наименьшим и неделимым, в системе же действительных чисел 1 (единица) делимо, в утверждении о наименьшем числе во втором случае вообще не имеет смысла. Именно система, в которую включается элемент, наделяет его новыми свойствами и характеристиками, открывая возможности к его всестороннему изучению как в актуальной реальности, так и в пространстве потенциальных возможностей. Это

справедливо и в отношении медиароботов.

Средства решения возникающих проблем следует искать в той же области, где они возникают. В данном случае, средства смены психолингвистической метамодели находятся в самом языке. Для преодоления логической ошибки категоризации предлагается использовать инструментальный язык эргативного строя. В грамматике данного строя доминирует не противопоставление субъекта объекту, проводимое в языках номинативного строя, а противопоставление агенса (производителя действия) и пациенса (носителя действия). Эргативный падеж кодирует агенса при переходном глаголе, указывая источник направленного действия. В языках номинативного строя близким к эргативу является творительный падеж, который на латинском языке именуется *casus instrumentalis* (инструментатив, инструменталис) и обозначает орудие, инструмент, которым и является агенс, воздействующий на другие объекты или производящий определенные действия. В результате получаем два различных способа выражения генерации журналистского контента:

– журналист (человек, субъект, автор, личность) создает (генерирует, пишет, сочиняет) текст;

– текст создается (генерируется, пишется, сочиняется) медиароботом.

Но не медиаробот его создает. Просто потому, что медиаробот не является автором, субъектом, человеком, личностью. Какой же субъект в таком случае создает текст, который создается медиароботом? Здесь следует учесть, что в эргативных языках нет субъекта (и противопоставляемого ему объекта), есть агенс и пациенс. В качестве агенса выступает медиаробот, в качестве пациенса выступает текст. Вопрос об активном субъекте в этой языковой метамодели (системе отсчета) не обладает полнотой смысла, и не стоит торопиться с понятными, но бессмысленными ответами

(которые не являются ни правильными, ни даже неправильными). Активность медиаробота может быть рассмотрена и проанализирована в предложенном и описанном Роланом Бартом феномене «скриптора», который «рождается одновременно с текстом» [7], не обладает никаким бытием вне письма и никаким временем вне речевого (письменного или устного) акта. Медиаробот (как скриптор) не является субъектом, по отношению к которому создающийся (с его помощью, но не создаваемый им самим) текст был бы предикатом. Медиаробот не является субъектом (личностью, автором) и не валиден в отношении его научный дискурс о воле, интеллекте, понимании, умении, мнении, знании и прочих личностных качествах. Осмысленно можно говорить в такой метамодеи только о генерируемых медиароботом «комбинациях букв, продающихся наилучшим образом» (Пелевин В.О.). А самого медиаробота следует понимать не как нового субъекта, который противостоит журналисту, а в качестве одной из функциональных ролей социального робота (social robot, sociable robots, societal robot, sociobot). Социальный робот как предмет исследования нарождающейся социальной робототехники предназначен для выполнения различных социальных и коммуникативных ролей (во многом компенсаторного плана): скрасить все более усиливающееся одиночество человека [8], помочь ему социализироваться или же адаптироваться к ситуации социальной депривации [9] и др.

Такое понимание медиаробота позволяет провести различие автора и скриптора, творчества и технического производства, что, в свою очередь, актуализирует проблематику истинного журналистского призвания и смысла и предназначения журналистской деятельности. В гуманитарном аспекте существенно важно осмыслить последствия того, что появление нового инструмента социальной коммуникации оказывает значимое влияние и на всю межличностную коммуникацию. Так, исследования Шерри Теркл показали, что среди молодежи «старомодное общение наедине» все более часто воспринимается как избыточно сложное, даже пугающее. В качестве причины указывается то, что оно «проходит в реальном времени, без возможности контролировать то, что вы воспринимаете или собираетесь сказать» [2]. Психологические компенсаторные феномены переноса, проекции и персонификации облегчают коммуникацию с цифровыми агенсами и являются фундаментом предпочтительного выбора виртуальных собеседников [6].

Следует отметить, что медиаробот как новый инструмент (цифровой агент) современной коммуникативной среды является феноменом расширенной реальности (Extended Reality) – интегрального концепта, который объединяет константные и виртуальные реальности: дополненную реальность (Augmented Reality), виртуальную реальность (Virtual Reality), смешанную реальность (Mixed Reality), погружающую реальность (Immersive reality) и др. Адекватное психолого-педагогическое осмысление и освоение виртуальных собеседников в современной коммуникативной среде предполагает введение их в контекст Extended Reality. Появление нового инструмента медиареальности радикально трансформирует все прочие ее базисные элементы (предмет, цели, средства, содержание), а также характеристики процессуальности (темп, ритм, локальность, интенциональность, хронотоп и др.). Такая трансформация является серьезным вызовом медиакультуре и, в частности, медиаобразованию и требует адекватного ответа на основе рационального осмысления происходящего. Осмысление предполагает постановку правильных вопросов, поиск которых является важной проблемой (научной и аксиологической).

Так, представляется значимым осмыслить (на основе эргативной языковой метамодели) неизбежность появления нового коммуникативного феномена в качестве обусловленного всей историей развития языка и речи и принять вызов возвращения сказочной древности с ее умными говорящими вещами без отступления в область технологического невежества, на основе которого выстраивается отношение к информационно-технологическим продуктам как к чуду или враждебной угрозе. Наше будущее зависит от того, как мы приспособимся к неизбежному, в котором можем обрести (или преодолеть) и хорошее, и плохое.

Литература

1. Senate Bill No. 1001 CHAPTER 892 [Electronic resource]. – URL: http://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180SB1001

2. Sherry Turkle, Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age, (New York: Penguin Press, 2013), 448 pp. P.22.

3. Sohrawardi S.D. DeFaking Deepfakes: Understanding Journalists' Needs for Deepfake Detection [Electronic resource]. – URL: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/express.northeastern.edu/dist/d/53/files/2019/11/CJ_2020_paper_64.pdf.

4. Touching a robot can elicit physiological arousal in humans [Electronic resource]. – URL: https://www.eurekalert.org/pub_releases/2016-04/ica-tar033116.php

5. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

6. Елкина В. Все о цифровых людях: как виртуальные персонажи становятся самыми успешными блогерами [Электронный ресурс]. – URL: <https://rb.ru/story/digital-humans/>.

7. Замков А.В. Новостной медиаробот: теоретические аспекты интеллектуальной системы генерации контента // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 260–273.

8. Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб: Издательство «Алетейя», 2009 – 496 с.

9. Маркина С. Робот использует ИИ для обучения детей с аутизмом [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.computerra.ru/254891/robot-ispolzuet-ii-dlya-obucheniya-detej-s-autizmom/>.

Автор: Концевая Г.М., Концевой М.П.
22.04.2021 11:38 -

10. Социальные роботы: высокие технологии против одиночества [Электронный ресурс].
– URL: <https://newtonew.com/science/sociable-robots-and-human-loneliness>.